

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Д. Ерофеев

Московский государственный университет

АЛЕКСАНДР I И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Говорить о четкой преемственности в политике в отношении поляков между Екатериной II, Павлом I и Александром I трудно, это заслуживает отдельного исследования. В каких-то аспектах они все вели одну линию — интеграция польской шляхты в российское дворянство. Но Александр, например, в начале своего правления сделал несколько шагов навстречу польским дворянам [1, с. 170-195].

В историографии принято ставить Александра I в один ряд с его предшественниками и преемниками, пускай и с небольшими оговорками. Это делается обычно для того, чтобы показать неизменность политики России в отношении присоединенных земель. На мой взгляд, это принципиально неправильно (речь идет про первые годы правления императора) и является слишком большим упрощением.

В чем причины такой политики царя? Первый, и очевидный ответ, это либеральный настрой первых лет правления, что выразалось и в польском вопросе.

Во-вторых, конкретных причин для недоверия полякам у Александра не было. После подавления восстания Костюшко поляки вряд ли могли рассчитывать на борьбу за независимость в ближайшие годы, поэтому поначалу у Александра не было травмирующего опыта во взаимоотношениях с ними.

В третьих, для молодого царя, интересующегося либеральными идеями, польские просветители могли быть во много образцом и примером. Обратившись к вопросу образования, мы увидим, что в основу образовательной реформы легли наработки Эдукационной комиссии. Необходимо также упомянуть про освобождение и лояльность в отношении Гуго Коллонтая.

Наконец, решающим фактором было влияние Адама Чарторыйского, с которым еще до воцарения у императора сложились дружеские отношения. Общественно-политическим взглядам Чарторыйского также следует посвятить отдельные исследования, однако мы знаем точно, что в нем присутствовали отголоски «сарматизма» и особого представлений о роли Польши в европейской истории. Чарторыйский считал Россию варварской страной по сравнению Речью Посполитой [2, с. 39-42]. В 1806 г. Александр при-

бывает в резиденцию Чарторыйских, которую он будет неоднократно посещать в дальнейшем. Польское общество ждало от него шагов навстречу, и оно их получало. В 1811 г. во время своей речи в Вильно император заявляет о своем намерении восстановить Польшу. Внимание к польской проблематике, да еще и в таком позитивном ключе, трудно было бы представить без Адама Чарторыйского. Эти заявления о своих планах сами по себе поднимали польский национальный дух, подогревая процесс полонизации.

Ухудшение отношений с польской партией, на мой взгляд, начинается после 1807 г. Возможно, еще Аустерлиц подорвал уверенность императора в своих действиях и политике, но Тильзитский мир и создание Герцогства Варшавского, изменили взгляд центральной власти на поляков. В Западном и Юго-западном крае прошла волна конфискаций, росло недоверие к польской шляхте на фоне антифранцузской реакции [1, с. 195-207].

Война и создание Царства Польского изменили расклад сил на политической арене. Вильно перестал быть единственным культурным и политическим центром поляков в России, но все еще оставался очень влиятельным. Пик осложнений в отношениях между Александром и поляками придет на конец его царствования, когда в Виленском университете обнаружится существование тайных политических обществ.

Библиографический список

1. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / пер. М.А. Крисань. М., 2011.

2. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

А.И. Овчинников

Самарский национальный исследовательский университет

ОЦЕНКА ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II СОВРЕМЕННОКАМИ

Оценки проведенной в 1860-1870-х гг. церковной реформы современниками носила различный характер, от одобрительных до самых негативных. Министр внутренних дел П.А. Валуев в своих дневниках писал о реформе в общих чертах, касаясь их по мере надобности. Он отмечал, что «...Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восставали против всякой перемены в законодательстве относительно иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князя, по-видимому, сочувствовали мне... Равным образом со-